

Пьер Булез.

Наши проблемы

Предстоит нам очередная метаморфоза. После десятилетий застойной ругани в адрес авангарда и зловещей «борьбы с некоторыми западными влияниями» (это значит: с лучшими нашими музыкантами) нашему слушателю, наконец, показали то, с чем мы так успешно воевали. Стало ясно, за что боролись. Успехи же нашей борьбы — в отсутствие супротивника — очевидны: о Пьере Булезе, одном из самых больших композиторов современности, напечатана всего одна (I) статья и создан ноль (0) книг и диссертаций; в Московской консерватории написана только одна (1) дипломная работа (притом на кафедре не истории музыки и не теории музыки). Исполнители пусть скажут сами. Это логично: если воюем с идущими в авангарде, то где мы сами сидим? Конечно, в, так сказать, арьергарде. Если не по-иностранному, то — в хвосте.

Тем не менее, в преддверии гастрольных концертов Булеза и руководимого им ансамбля Интер-Контампорен в нашей консерватории 16 февраля состоялось научное собрание, посвященное Булезу. Оно не было приветственно-праздничным мероприятием. В центр внимания были поставлены некоторые серьезные научные проблемы, также прослушивание музыки. Три докладчика сделали глубокие по содержанию сообщения. Их темы: **М. Т. Просняков** — «Принципы пуантилистической композиции Булеза»; **П. Н. Мещанинов** — «Собственное и несобственное»; **С. Н. Прожогин** — «Информатика и музыка». Подобно поэзии любимого Булезом Рене Шара, темы кажутся мало связанными друг с другом, однако в действительности содержание докладов очерчивает существенные контуры облика Булеза-композитора.

Анализ ткани и формы «Структур» Булеза для 2 фортепиано (столь детальный разбор предпринят в нашей науке впервые) составил основу рассмотрения проблемы пуантилистической композиции в докладе Проснякова. Анализ раскрыл, если так можно выразиться, конститутивное действие «генетического кода» произведения Булеза, типичного для одной из основных линий его творчества.

Мещанинов осветил музыку Булеза в контексте эволюции европейского музыкального сознания и звуковой системы. Он показал закономерность новых форм музыки, когда ставшая основой 12-звучность исключает простые диатонические интервалы («собственные», т. е. правильно воспринимаемые и без контекста) и базируется на хроматико-энгармонических («несобственных»). В результате «снимаются» традиционные категории «тема—лад—аккорд», редуцируемые в пару: «серия—зона», в свою очередь сводимую к «сонору», и возника-

ют современные ткань и форма, в частности, и музыка Булеза.

Сергей Николаевич Прожогин (по основной специальности не музыкант), много лет занимающийся изучением жизни и творчества Булеза, по существу единственный в Союзе специалист по этому композитору, рассказал о наиболее нетрадиционной стороне его эстетики, связанной с современной электронной, компьютерной техникой (о том, какие блистательные результаты она может дать, показал концерт 21 февраля). Музыкальное значение электроники Прожогин продемонстрировал на примере анализа сочинения Булеза «Респонс».

Истинным украшением научного собрания явилось исполнение музыки Булеза в живом звучании: И. Г. Соколов сыграл I часть 2-й сонаты Булеза для фортепиано.

Каким же видится теперь, после прошедших концертов Интер-Контампорен, облик Булеза-художника? Это музыкант ошеломляюще новых художественных концепций. Его пылкий темперамент сочетается со строжайшей выверенностью музыкальной мысли. Истинно французское чувство музыкальной красоты выдает в нем последователя традиции Дебюсси — Мессиана. Поразительна цельность мировоззрения Булеза. Оказывается, подлинная современность стиля вовсе не связана с душевной раздвоенностью и саморазрушением, истинный вкус — тот, что исключает всякую банальность, а эволюция подлинного художника и в наше время есть движение вперед, а не назад, ново — не «нео», ново — не «ретро». Упрощенное сравнение: мир эстетики Булеза отличается от наших ждановско-застойных установок тем же, чем парижские магазины от магазинов московских.

Пример Булеза лишний раз показывает категорическую необходимость немедленно решить наши методические проблемы. Чему учим мы в вузе на исходе второго тысячелетия? Конечно, надо знать и функциональную гармонию, и хорошо разбираться в баховской фуге, и в классических музыкальных формах с их «песнями» и «ходами». Но завершение образования современного музыканта-профессионала — **любой специальности!** — обязательно требует хорошего знания и современной музыки. На заключительном консерваторском экзамене по гармонии, полифонии, музыкальной форме, сольфеджио надо продемонстрировать умение профессионально справляться с проблемами современной музыки — в кантатах и вариациях Веберна, фортепианных пьесах Штокхаузена, «Молотке без мастера» Булеза, в сочинениях выдающихся современных советских композиторов. Не довольно ли нам сидеть в арьергарде?

Ю. Н. ХОЛОПОВ, проф.